

Константин Дубровский

**РОБИНЗОН
КРУЗО**

(подлинник рукописи
Д. Дефо из архива
Лондонского ДК Железнодорожников)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Всем известно нам друзья,
Что без женщин жить нельзя,
Хоть ебём мы всё на свете,
Кроме шила и гвоздя.
Как же Крузо Робинзон,
Не один прожил сезон,
А прожил немало лет?
Мы сейчас дадим ответ.
Крузо днём пришёл в себя
И подумал: «Гдей-то я?
Океан и там и здесь.
И не худо бы поесть
Мяса, зелени, батата,
Таз еврейского салата,
Выпить пару вёдер пива».
Словом, не до ебли было.
Робинзону стало грустно,
Он поел морской капусты,
Шлифнул несвежим крабом
И заснул под баобабом.
Утром он проснулся бодрым,
Но по-прежнему голодным.
От капусты вздуло пузо,
И, попёрдывая, Крузо
Вдаль побрёл в автопилоте.
Убедиться было просто,
Что попал моряк на остров
И надежды на спасенье
Нет как в анусе варенья.
День проходит — всё как прежде.
Грязный, потный, без одежды
Робинзон находит вдруг
Своего корвета круг.
Рядом прочный медный ларь,
В нём судовой инвентарь.
Робинзон сургуч взломал
И от счастья сбросил кал.

Там лежал мушкет и шашка,
Зонтик, шорты и рубашка
Деревянный пистолет,
Конопля и марафет,
«Долобене» от подагры
И большой мешок «Виагры»,
Тёплый свитер и зипун,
Штангенциркуль и колун,
Ящик рома, грелка с виски,
Сто резинок для пиписки,
От поноса сбор лесной,
И негнущийся «Плейбой».
Это вам не жуки-пуки!
Взяв себя мгновенно в руки,
Робинзон топор хватает
И по джунглям прорезает.
Там бамбук кудрявый рубит,
Два гектара пальмы губит,
Рвёт для крыши хвоощ мясистый,
Для кровати бук душистый.
В ужасе визжит коала —
Ставит Робинзон бунгало.
Не прошло и полнедели,
Крузо спроворил новоселье.
Из гостей пришли бакланы,
Вши, клопы и тараканы,
Разместились в плинтусах
И у Крузо в волосах.
Робинзон жевал коренья,
Мрачно рвал от отвращенья,
А потом, отведав виски,
На «Плейбой» стряхнув пиписку,
Дотла выкурил косяк
Вздрогнул, пукнул и обмяк.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дом стоит,
В нём есть кровать.
Только некуда совать.
Крузо жить не мог без баб
И, чтоб перец не ослаб,
Он по воле организма
Начал просто. С онанизма.
Только спрячется светило
Он уж мнёт свое правило,
По-французски и по-русски,
С дополнительной нагрузкой,
Лёжа, стоя, в гамаке
И в шпагате
И в прыжке,
Под водой и на камнях
Мнёт себе кудрявый пах.
Начал он изобретать,
Как ещё приятней стать,
И из шкурок маракуйи
Склейл тёлку надувную.
Накачав её насосом,
Чтобы не было вопросов,
В жаркий полдень Робинзон
Вышел с ней на полигон.
Там её поставив в позу
Для мейоза и митоза,
Крузо, превзмогая боль,
Въехал в туз по си-бемоль.
Не сдержав давленья хуя,
Манекен из маракуйя,
Пёрднул и с сердитым свистом
Смяк в руках у онаниста.
Робинзон от перепуга
С пляжа дрыснул как сельпуга,
Дома спрятался за печкой,
Сжал звенящие яечки,

В сне забылся беспокойном,
Неприличном и отстойном.
Робинзон хрюпал и кашлял,
А когда восторг на нарах —
Видит в кухне бродит ара
Или, может, какаду,
Впрочем ну его в пизду!
Вещи на бегу срываю,
Робинзон на попугая
Позабыв про птичий грипп,
Сверху рухнул и прилип.
Попугай сопротивлялся,
Извивался, матюкался,
Отомстить жестоко клялся,
От давленья обосрался,
Но в конце концов отдался.
Мягко шелестит сакура —
Исполняется Сосюра.
Потянулись дни опять,
Крузо бросил шишку мять,
Так как, утверждаем смело,
Попугай был в курсе дела.
Но не думайте, что Крузо
Спал, гонял и жрал от пузза,
И, хоть попугай мешал,
Мудрый Крузо не дремал.
Там где пальмы смотрят в реку,
Он построил дискотеку,
И гигантского тамтама.
Часто ночью Робинзон,
Выпив красного бидона,
С попугаем шёл в танцпол
(Без одежды, в чём прикол).
Ди-джей дятел по сигналу,
Со всей дури бился в шпалу,
В жбан стучал лесной тукан
Робинзон скакал канкан,
А потом, исполнив твисст,
Бородатый онанист,

Драл до кончика кукана
Изумлённого тукана.
(Попугай молчал, понятно,
Потому что пудрил дятла).
А в лесу дремучем звери
С возмущением ревели,
Наблюдая за мохнатым
Островным дегенератором.
В день когда созрели сливы
Робинзон напился пива,
Ни хуя ни соображая
Пьяный, сел на попугая
И, вставая, на заду
Ощущил он какаду.
Попугай был смят в лепёшку,
Но ещё дышал немножко.
Крикнув: «Крузо! Ты мудак!»,
Он напрягся и обмяк.
После пышных похорон
Горько плакал Робинзон,
На семь дней ушёл в запой,
И на пляже, никакой,
В изумлении и грусти
Голый спал в морской капусте.

Конец второй части

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Через месяц без наркоза,
Кодировки и гипноза,
Твёрдый, как в лесу секвойя,
Крузо вышел из запоя.
Прекративши распиздяйство,
Снова занялся Хозяйством,
Смастерили вдали от хаты
Игровые автоматы,
Там крутым каталой стал,
«Фанту» пил, жевал кукнар,
Сам с собой месил в «буру»,
Покер, стос и «кунгуру».
Что касается процесса
(Рукоблудство в чаще леса),
То опять с утра до ночи
Свой потёртый перец дрочит.
На портрет Австрийской Анны
Вместе с Бэкингемом в ванной.
Как-то раз упорный Крузо
Ставил сеть на попингзуза,
Вдруг средь зарослей лозы
Замечает зад козы.
На груди рванув тельняшку,
Робинзон в козу за ляжку,
Впился хваткой бультерьера,
Плотно засадив с карьера.
Тут животное со страху
Бьёт насильника по паху,
Бьёт в кадык и в селёзенку,
По сусалам и в мошонку.
Бесполезно. В дикой страсти
Крузо лань отпедерастил.
Тут коза угомонилась
И моментом насладилась.
Крузо гордый сам собой
Приволок козу домой.
Там ей дал соломы с виски,

Взял за все четыре сиськи,
Губы пухлые отквасил
И по-людски отдубасил.

И зажили они славно,
Крузо драл козу исправно,
Обучил её по таске,

За 100 грамм – оральным ласкам,
И анальным извращеньям
За конфеты и печенье.

А на пляже долбоёб
Для козы открыл секс-шоп.

Там козлиха еженощно
Покупала по примочек.
То подушечку-пердушку
Робинзону под подушку
Или каловые массы
Из тефлона и пластмассы.

А однажды наш матрос
Получил вибратор в нос.
Но был Крузо мягкотел
И задочки все терпел,
Потому что зад козлихи
Окупался ночью лихо.
Но однажды козья мать
Вздумала козла рожать:
Как положено животным,
Забеременела плотно.

Крузо это не предвидел,
В этом он погибель видел.
И как не был боцман горд,

Дал ей денег на аборт.

Да не выгорело дело –
Та и слушать не хотела.

Как порядочная мать,
Вздумала козла рожать.

Для приманки взяв конфетку
И острийшую кюретку,
Разъярённый папа Крузо
Уничтожил карапуза.

А козу после наркоза
Дрючил в цезарь до фимоза.
Крузо стал предохраняться,
И на чистенькой соломе,
В эбонитовом кондоме
Драл моряк козу свою
По её календарю.
Как-то глупая скотина
Под влиянием никотина
Сёрбнула с матросской кружки
Алкогольную хуйнюшку,
И такой приход пришёл,
Что моряк, когда зашёл,
Обнаружил на матрасе
Тушку зверя в рвотной массе.
Хоть верть-круть,
А хоть круть-верть,
Констатирована смерть.
После похорон на тризне
Крузо, як и мишка-гризли,
Танцевали, пили рьяно
И порвали три баяна.
Утром мишка пьяный в сраку,
С аппетитом скушал яка,
И за это храбрый Крузо
Его стрельнул с аркебузы.
Спал неделю на гумне
В тяжелейшем бодуне.

Конец третьей части

Кратенько об авторе.

«Робинзон Крузо» — поэма из четвёртой книги Константина Дубровского. Ранее изданы сборник поэзии «Ожерелье» (1994), научная фантастика и детективы «Документ Ж» (1995), сборник пародий «Здравствуй, дружок!» (2000).

Константин Дубровский по специальности врач-хирург, кандидат медицинских наук, сотрудник Института общей и неотложной хирургии АМН Украины (Харьков). Является членом союза русскоязычных писателей Украины, на протяжении 15 лет работал режиссёром и автором таких телевизионных программ, как «Автограф», «Батуалло» и многих других.